

Хиаши Хьюга, глава могущественного клана, сидел за своим столом, утопая в горах бумаг, вечном биче всех лидеров в Конохе. Пока он просматривал очередное предложение от другого клана, его мысли снова устремились к тайне, окутывавшей его старшую дочь. Прошло два года с того дня, как Хинату постигло странное видение в библиотеке клана, и Хиаши все еще пытался понять, что же произошло. На протяжении веков главному роду Хьюга было поручено расшифровать тайну таинственного каменного кольца, хранимого в их святилище. Несмотря на многочисленные попытки и годы исследований, удалось перевести лишь несколько строк. О кольце было известно только две вещи: что для его прочтения необходим Бьякуган и что оно связано с историей клана. Этот артефакт был сокровищем Хьюга задолго до их переселения в Коноху. В эпоху враждующих кланов он служил святилищем, где главы Хьюга под лунным светом медитировали в его центре. Говорили, что в нем хранится тайна происхождения клана, Бьякугана и их истинного предназначения. В первые годы существования клана только глава был посвящен в секреты кольца и знал, как их разгадать. Однако после нападения враждебного клана, в котором погиб глава и был уничтожен архив, знания о кольце были утрачены. Хотя некоторые свитки удалось восстановить по памяти, часть информации пропала безвозвратно. С тех пор все открытия, касающиеся кольца, стали достоянием совета старейшин, чтобы избежать повторения трагедии. И вот, после долгих лет безуспешных попыток, Хинату постигло странное видение. Она вдруг смогла прочесть часть текста на кольце, чего никто не мог сделать до нее. Это событие вызвало волну недовольства среди старейшин, которые всегда относились к Хинате с пренебрежением, отдавая предпочтение ее младшей сестре Ханаби. Их гордость была задета тем, что Хинате удалось то, что не под силу им. Даже Хиаши, несмотря на гордость за дочь, испытывал легкую зависть к ее успеху. Совет старейшин, планировавший запечатать Хинату, как это делалось с другими членами побочной ветви, оказался в затруднительном положении. Если бы Хинату запечатали, она не смогла бы вернуться в семейное святилище, что разрушило бы их прогресс в расшифровке кольца. В итоге совет отложил решение, решив, что Хиаши должен заставить Хинату взаимодействовать с кольцом как можно чаще. Хиаши, желая повторить случившееся, попытался снова спустить Хинату в святилище. Однако Хинату охватил страх, и она отказалась спускаться вниз. Хиаши, несмотря на недовольство, вынужден был пойти на уступки и пообещать Хинате показать ей свиток, принадлежавший ее матери. В святилище ничего не произошло. Хинате удалось лишь снова прочесть те же фразы, которые она видела раньше. Однако Хиаши не мог отделаться от ощущения, что что-то изменилось. Он чувствовал, что они приближаются к разгадке. — Хината, — сказал Хиаши, — я хочу, чтобы ты продолжала пытаться воссоздать то, что произошло несколько недель назад. Лицо Хинаты побелело от страха. — Пожалуйста, Тоу, — умоляла она, — не заставляй меня возвращаться туда. Я... — Хината, — сурово сказал Хиаши, — ты куноичи и, что еще важнее, ты Хьюга. Ты не позволишь страху управлять твоими действиями. Я тебя понял? — Но... — Я понял? Хинате пришлось подчиниться воле отца. — Хорошо. Ты будешь приходить сюда хотя бы раз в неделю и пытаться отреагировать на то, что было раньше. Ты должна немедленно сообщить мне, если что-то произойдет. Хиаши повернулся, чтобы уйти, но остановился в дверном проеме. — Ты никогда не преодолеешь то, чего боишься, если не столкнешься с этим, — сказал он. — Чем больше ты сталкиваешься с ним, тем меньше он может контролировать тебя. Никогда не позволяй страху управлять твоей жизнью. Он сделал паузу, давая Хинате осмыслить его слова, и продолжил: — Теперь я верю, что обещание есть обещание. Пойдем, найдем свиток твоей матери. Когда они вышли из святилища, Хиаши размышлял над фразами, которые Хинате удалось перевести: «Воля лунного народа...», «...обязанность охранять...». Эти слова вызывали в нем странное чувство. Ему казалось, что они открывают дверь в нечто важное, что было скрыто от них на протяжении веков. Хиаши, хоть и погруженный в политические игры, оставался шиноби до мозга костей. Его интуиция, верный спутник, не раз спасала ему жизнь. И сейчас она шептала о надвигающейся опасности. Он не любил находиться в неведении, особенно когда дело касалось его клана. В этой тайне, что-то скрывалось, но что именно, черт его возьми, он не знал.

Отбросив тревожные мысли, Хиаши вернулся к письму, которое писал. Проблему нужно было решать незамедлительно. Он решил предпринять беспрецедентный шаг, хоть старейшины и не одобрили бы его. Ни он, ни они не добились ничего, пора было услышать мнение со стороны. Призвав одного из своих посланников, он подписал письмо: — "Пожалуйста, немедленно доставьте это послание Шикаку Наре. И найдите Хинату, скажите, что я хочу с ней поговорить". — "Конечно, Хиаши-сама", — поклонился слуга, выходя из комнаты. Хиаши пытался отвлечься от беспорядка в библиотеке, переключиться на что-нибудь другое. Ведь сегодня был важный день. Сегодня Хината делала свой первый шаг во взрослую жизнь. Он едва заметно усмехнулся, но в этот момент раздался стук в дверь. — "Ты хотел меня видеть, отец?", — прозвучал тихий голос. Лицо Хиаши мгновенно приняло привычное выражение сурового спокойствия, когда он велел ей войти. Хината вошла, держа спину прямо, взгляд устремлен вперед, и склонилась перед ним. Хиаши выдержал паузу, прежде чем заговорить: — "Сегодня у тебя важный день, и я ожидаю от тебя только самого лучшего. Все, что ниже этого, опозорит клан. Ты — наследница самого могущественного клана в деревне. Твои действия отражают не только твою собственную силу, но и силу клана. Мы не потерпим слабости. Не разочаровывай нас". — "Понял", — коротко ответила Хината. — "Хорошо, тогда ты свободна". Она кивнула, еще раз поклонилась и, шаркая, вышла из комнаты. Убедившись, что ее не слышно, Хиаши вздохнул. Он должен был сохранять видимость, менять технику было уже поздно. Хината должна была расцвести сама, или утонуть. Он уставился на одну из немногих фотографий, украшавших его стол. На одной из них были запечатлены он сам, его жена и две дочери. Снимок был сделан вскоре после рождения Ханаби. На другой, которую он держал в фокусе, было изображено трио детей, стоящих перед мужчиной в куртке джоунина. Мужчина с острыми белыми волосами словно гремел от смеха, забавляясь выходками своих учеников. Сегодня был важный день, который определит всю ее дальнейшую жизнь. Ее карьера теперь была не в его руках, и вот-вот будет передана в чьи-то другие. Он вздохнул, в голове всплыли видения прошлого, прежде чем он вернулся к работе, которая грозила поглотить его целиком.